

Е.А. Евтушенко

**Баллада о стихотворении Лермонтова
«На смерть поэта»
и о шефе жандармов**

Я представляю страх и обалдение,
когда попало в Третье отделение
«На смерть поэта»... Представляю я,
как начали все эти гады бегать,
на вицмундиры осыпая перхоть,
в носы табак спасительный суя.

И шеф жандармов — главный идеолог,
ругая подчиненных идиотов,
надел очки... Дойдя до строк: «Но есть,
есть божий суд, наперсники разврата...»,
он, вздрогнув, огляделся воровато
и побоялся еще раз прочесть.

Уже давно докладец был состряпан
и на Кавказ М. Лермонтов запряган,
но Бенкендорф с тех пор утратил сон.
Во время всей бодяги царедворской,
приемов, заседаний, церемоний
«Есть божий суд...» — в смятенье слышал он.

«Есть божий суд...» — метель ревела в окна.
«Есть божий суд...» — весной стонала Волга
в раздольях пострадавших степных.
«Есть божий суд...» — кандальники брэнчали.
«Есть божий суд...» — безмолвствуя, кричали
глаза скидавших шапки крепостных.

И шеф, трясясь от страха водянисто,
украдкой превратился в атеиста.
Шеф посещал молебны, как всегда,
с приятцей размышляя в кабинете,
что все же бога нет на белом свете,
а значит, нет и божьего суда.

Но вечно — надо всеми подлецами,
жандармами, придворными льстецами,
которые бесчинствуют и лгут,
звучит с неумолимостью набата:
«Есть божий суд, наперсники разврата!»,
и суд поэта — это божий суд.